А.И. ПОТЕМКИН
Песнь Немого
16+

Александр Ильич Потемкин
Песнь Немого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65695454
SelfPub; 2021

Аннотация

Вы когда-нибудь изнемогали от всего того "павшего" в нашу эпоху на русскую литературу, русскую поэзию, что без преувеличения можно назвать "немым" словом? Тосковали ли по той чудесной силе искусства, подменённой ныне на ни что иное, как "искусство рифмовать" или кричать, что в голову взбредёт, – лишь бы было громко и "со смыслом"? Потому как я устал. Устал, и меня тошнит при виде бездыханного тела русской Эвтерпы, пинаемой полоумными "творцами"!

Я предлагаю Вам прочесть сборник моих произведений, названный "Песнью Немого" совсем не случайно. Самая жизнь кажется нам немой без тех, кто от рождения способен говорить народам тем чистым и возвышенным языком, благославляющим на духовное процветание и подъём, которым поёт непременно каждая живая душа, способная созидать и чувствовать прекрасное. В мире же, где всюду вопят и стонут "некие" свою какофонию пустых слов, песнь истинно прекрасного кажется безмолвной.

Если Вы хотя бы на миг задумались – прочтите. Прочтите и судите безмолвную песнь.

Содержание

Как не люблю я в осени унылой	4
Поезд	6
Восточной музе	8
Тревога	10

Александр Потемкин
Песнь Немого

Как не люблю я в осени унылой

Как не люблю я в осени унылой
Столикий листопад,
Когда сам сад всё больше молчаливый
Не поднимает взгляд…

Как не люблю нагую твердотелость
Ободранных ветвей
И пустоту, где ране пламенелось
Зарницами полей.

Как непривычно мне, как боязно у дома
В искрящейся золе
Стоять, как в пепелище у Содома,
И вопиять в мольбе…

Как медленна, как неизбежна осень,
Как ненавистна мне!
За черноту былую крепко проседь
Мелькнёт в её главе.

Придёт и смерть. Холодными руками
Дотронется к стволам,
И истекут их души под звездами
К моим словам.

И пасмурно, и боязно, и поздно.
И не за чем гореть.
Спасибо, Господи, что осенью так звёздно,
Что жалко умереть…

Спасибо, Господи, за тени листопада,
Журчащего в окне.
Воистину! и увяданью надо
Твориться на земле.

Воистину! В падении – спасенье!
В упостошенье – свет!
И в наготе – святое упоенье
Простое, как скелет.

И в осени, как в омуте безбрежном,
Не видно дна.
И кажется пустое неизбежным,
И жизнь одна…

Поезд

В смоге тамбурном черезвагонном
И во тьме сбоку гаснущих станций
Вновь играет со мной чуть живая
Отгорающих ламп денница.
Я не знаю, что в поле просторном.
Я не ведал ни вахт, ни Франций.
В ржавом облаке ламп родная
Синь озёр почему-то мне мнится.

Я скольжу по железной дороге,
Словно изморось с купола храма,
Беспрепятственно замерзая
Без возможности докатиться.
После сводов гранитных высоких
Двухметровка состава взыграла
Катакомбами. Люто злая
Пыль плафонов меняет лица.

Что я вижу в ней? Дом ли? Мать ли?
Лет летящих куда-то танцы?
Перезвоны ли слышу кричащих
Журавлей иль студёной водицы?
Только искры алеющей смальты…

Только истовый вой радиаций…
И моленья Мадонны кормящей,
Как у Тибра порогов волчицы.

В наше время на лоно Голгофы
Не идут, не ползут – поездами
Едут, мчатся в молчанье тлетворном
От убийцы до винопийцы.
Скалят зубы гетеротрофы…
Я один проникаю корнями
В полустанки. И сжившийся с сором
Расцветаю в объятьях столицы.

Восточной музе

Как призрачно всё, как не нужно всё это…
Всё тщетно и глупо: теряй – не теряй.
Мне нужен был только лоскут от портрета
И лето… и сорванный вздохами май.

Мне в ночь на Исаакия грезился кто-то:
Желанный, задумчивый, в шёпоте волн
И в чёрной степи со слепой позолотой
Из звёзд над рекою, из скрежета чёлн.

И я, как мальчишка, балладой влекомый,
Поднялся от сна сразу в дымке зари
И, крест осознав бесконечно тяжёлый,
Вспорхнул, чтоб разбиться о свод Марджани.

У озера древнего пенились песни
И брызги, и кровли, и тучи во тьме,
И не было полночи в жизни чудесней,
Чем полночь, прошедшая прочь при тебе.

Как странно. Держались мы за руки будто…
А может и нет… мы ведь виделись! Но…
Ты вдруг ускользал от меня поминутно

Как будто задумал со мною одно -

Украсть из родимой, промоленной сакли,
Чтоб травы в степи наше ложе соткли
И чтобы кисельные реки иссякли
И замерло всё ради песни любви.

Зачем повстречался ты мне, чернобровый,
Как яхонт горящий, о горе, скажи?
Я стану, коль хочешь, как короб сосновый -
Ты только туда своё сердце вложи!

А впрочем – зачем прокажённому счастье?
Ему одна доля – в страданьях уйти…
И только стервятник злодумный – не ястреб -
Проводит его на кремнистом пути.

Мне холодно. Больно. Но живо преданье!
Я помню последний июля намаз
И черный покров над седою Казанью,
И стон мой, сорвавшийся здесь и сейчас!

Как живо во мне простодушное лето!
И вето касаний – нетронутый рай…
И возглас прощальный, утопленный где-то,
И мой поцелуй… и твоё "Не прощай".

Тревога

Москва поёт
Служением церквей
И гулом колокольным.
Не кончен счёт
Главам монастырей
И площадям просторным.
Гуденье толп,
Самосожженья и
Наветов дни и ночи,
Последний столп
У алтаря огни
Гасит, закрывши очи.
Москва обет
Молчанья не дала -
Москва тиха молитвой;
Уж тридцать лет
Златая голова
Её, звездой побитой
И перебитой,
Как посланье на часах,
Спокойно зрит в Россию.
Бой сердитый
Курантов, и в шагах

На карауле, силу
Познавшие
Сполна, следят денно и нощно,
Как переулки спят,
И павшие
Слова немо, но мощно
Дороги впрок мостят.
Москва звонит
Вовсе колокола,
Во все стреляет пушки:
Волна катит
В озёра и в поля,
И в сёла, в деревушки
Исходит зов
Моления и слёз,
Прошения окститься.
Закрыт засов,
Рубин мерцает звёзд,
И огнь у стен дымится.
Гремит метро,
Гремит вокзал и порт,
Гремят порой и чьи-то гневно лица,
Глядят хитро
И видят натюрморт
В наивных тех, кто верит в небылицы.
Москва поёт

И молится о том,
Что отрезвеет паства,
Но враг не ждёт -
Не сдвинет на потом
Чумную власть лукавства.
Москва ворот
Своих разверзнет мощь
И храмов сень, увенчанных крестами…
Что ждёт
Москву? Проклятий серный дождь?
Иль крестный ход с хоругвями-Христами?